

Алешкин Петр Федорович

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920 Г.

Статья посвящена малоизвестным страницам протестного движения крестьянства Сибири в 1920 г. в условиях апогея политики военного коммунизма. На основе архивных документов выясняются причины массового крестьянского протеста, его особенности в Сибири и результаты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 14-17. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

BASIC TENDENCIES OF COMMUNICATIONS INDUSTRY GENESIS WITHIN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Timofei Vladimirovich Alekseev, Ph. D. in History
Department of Social-Economic Disciplines
Military-Cosmic Academy named after A. F. Mozhaiskii
alekseev-timofejj@rambler.ru

The author considers the problem of electrical engineering industry and its segment specializing in communications production, origin and development within Russia, analyzes the reasons that contributed to foreign capital predominant influence in the given industry and St. Petersburg dominant position in it and substantiates the periodization of electrical low current production process formation in Russia.

Key words and phrases: electrical engineering firms; electric low current production; foreign investment; communications; entrepreneurs; plant; joint stock company.

УДК 94(470)

Статья посвящена малоизвестным страницам протестного движения крестьянства Сибири в 1920 г. в условиях апогея политики военного коммунизма. На основе архивных документов выясняются причины массового крестьянского протеста, его особенности в Сибири и результаты.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; власть; протестное движение; восстание; политика военного коммунизма.

Петр Федорович Алешкин, к.и.н.

Общероссийский молодежный журнал «Наша молодежь», г. Москва
aleshkin@list.ru

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920 Г.[©]

Протестное движение крестьянства в Сибири, как и в других регионах России, порождалось насильственной политикой военного коммунизма со стороны Советского государства. Особенно это проявилось в условиях ее апогея – в 1920 г. Освободившиеся от колчаковской власти сибирские губернии незамедлительно были обложены продразверсткой. По заданию центра Сибирь должна была в 1920 г. выполнить огромный план продразверстки в размере 114 млн пудов хлеба. Сибирское крестьянство воспринималось высшим советским руководством в большинстве своем как зажиточное, предполагалось изъять из Сибири хлеб, накопившийся за несколько послереволюционных лет, значительная часть которого была немолоченной. Поэтому ставилась задача: заставить крестьянство произвести обмолот зерна из нескольких урожаев и обеспечить его сбор и поставку в центральную Россию. Установленный сверху объем продразверстки был непосилен. Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов на заседании Сибирского бюро ЦК РКП(б) 11 мая 1920 г. высказал сомнение по поводу возможности выполнения директивы центра: «У меня создается впечатление, что правильного аппарата продовольствия у нас нет, еще до сих пор не выяснено, сколько хлеба может дать Сибирь России, и не было об этом заявлено в Москве. Одной вооруженной силой хлеба не возьмешь. Необходимо взамен хлеба дать крестьянам и железа, и мануфактуру, и спичек, и соли...» [3, с. 22].

Однако в конце мая 1920 г. советское руководство Сибири начало кампанию насильственной продразверстки. 28 мая 1920 г. в адрес всех ревкомов и продкомов Сибири была направлена телеграмма за подписью Смирнова, а также помглавкома по Сибири Шорина и председателя Сибирского продкома Когановича. В ней констатировалось «недопустимое» состояние заготовок хлеба и продовольствия в губерниях Сибири. Советское руководство Сибири, руководствуясь указаниями центра, требовало «в порядке боевого приказа» от губпродкомиссаров под личную ответственность закончить выполнение хлебной разверстки к 1 августа 1920 г.: к 20 июня предписывалось выполнить 60% плана продразверстки, к 1 июля – 80%. Губпродкомиссарам предоставлялось право «в порядке боевого приказа» возлагать личную ответственность за своевременную ссыпку зерна на председателей волревкомов и волисполкомов – за невыполнение приказа виновные подлежали заключению в концентрационные лагеря [Там же, с. 24-25].

Председатель Сибпродкома П. К. Коганович в июне 1920 г. заявил, что метод «самотека», то есть добровольной сдачи хлеба провалился. С июня началось проведение разверстки. Продкомиссар Сибири, ссылаясь на опыт центральной России, предупреждал: «...при производстве разверстки ни в коем случае нельзя рассчитывать на добровольное выполнение разверстки». Констатируя «почти единодушное противодействие продразверстке, пока пассивное», Коганович сформулировал собственную своеобразную интерпретацию

организации продовольственной диктатуры в Сибири: «Не продовольственную диктатуру приспособлять к обстоятельствам, а обстоятельства приспособлять к продовольственной диктатуре» [Там же, с. 26-27]. Разверстка, в понимании продкомиссара Сибири, воспринималась «в качестве обязательной повинности с применением мер принуждения». В докладной записке в Сибревком Коганович сетовал на нехватку рабочей и военной силы для проведения продразверстки: вместо 9 тыс. рабочей силы продорганы имели 1 692 человека, вместо 11 тыс. вооруженной силы продорганы располагали 3 836 бойцами [Там же, с. 42, 152]. Получается любопытная ситуация, олицетворяющая механизм политики военного коммунизма: для проведения продовольственной кампании вооруженной силой требовалось больше, чем рабочей, штыков в наличии оказалось более чем вдвое больше, чем рабочих рук.

Основой политики военного коммунизма являлось насилие. Однако, несмотря на угрожающие директивы органов власти, к концу июня 1920 г. выполнение продразверстки в Сибири оказалось провальным: из плановых 114 млн пудов хлеба было собрано лишь 15 млн пудов. По данным на 10 июля 1920 г., в Сибири было заготовлено 28% плана [Там же, с. 42]. Действия органов Советской власти, которую сибирское крестьянство воспринимало как народную и прежде, в 1918-1919 гг., активно поддержало в борьбе с Колчаком, оказались для многих крестьян, включая красных партизан, неожиданными. Насильственные методы продорганов вызвали недовольство и возмущение в крестьянской среде. На заседании Сибирского бюро ЦК РКП(б) 9 июля 1920 г. председатель Сибревкома И. Н. Смирнов констатировал: «...отношение крестьян к нам недоброжелательное и даже враждебное. Вызвано это главным образом тем, что мы у крестьян берем все, а им ничего не даем. Некоторые губпродкомиссары своими приказами способствуют возникновению восстаний. Необходимо поставить их на место». Однако одновременно советский руководитель Сибири выдвигал требование применять высшую меру наказания по отношению к восставшим крестьянам, реквизировать их хлеб и имущество [Там же, с. 36-37]. В тот же день, 9 июля 1920 г., в телеграмме Смирнова в адрес В. И. Ленина сообщалось, что половина Алтайской и Томской губерний охвачены восстанием [Там же, с. 37]. Установка Смирнова в отношении повстанцев нашла отражение в приказе Сибревкома Алтайскому и Томскому губревкомам от 12 июля: «Крестьяне сел, примкнувших к изменникам, обязаны немедленно и безоговорочно выполнить полагающуюся по закону разверстку... Вся работа по обмолоту, ссыпке и подвозу хлеба возлагается на восставшие села. С неисполняющими этого приказа будет поступлено без всякой пощады, как с явными изменниками» [Там же, с. 39].

Сибпродком в конце августа 1920 г. докладывал Смирнову и Шорину, что разверстка на 1920/1921 год чревата «крупными осложнениями» в Омской, Томской, Алтайской и Семипалатинской губерниях, угрозой срыва всей продовольственной кампании. В пределах указанных четырех губерний Сибпродком требовал «расположить 3 дивизии хорошо вооруженных и дисциплинированных войск как опору в продработе и ликвидации всплесков» [Там же, с. 46-47].

Примечательно, что советское руководство Сибири категорически отрицало какое-либо руководство повстанческим движением со стороны эсеров. По информации председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, изложенной в докладе Ленину, специальное расследование показало, что в восстаниях лета-осени 1920 г. в Сибири социалисты-революционеры как организации участия не принимали, лишь отдельные эсеры «вовлекались в движение» [Там же, с. 614]. Органы ВЧК отслеживали поведение представителей меньшевистских партий. В начале июля 1920 г. сибирскими чекистами были проведены широкомасштабные аресты эсеров в Барнауле, Бийске. В сводке Семипалатинской губчека за 1-15 июля 1920 г. в центр сообщалось, что за организацией эсеров ведется усиленное наблюдение [Там же, с. 157, 201].

Лидерами протестного крестьянского движения, направленного против политики военного коммунизма, являлись авторитетные в крестьянской среде бывшие партизанские командиры, отличившиеся в борьбе с Колчаком. Политика военного коммунизма легла своей тяжестью, в первую очередь, на основной слой сельского населения – среднее крестьянство, подрывая стимулы аграрного хозяйствования. Заставить производителя отдавать хлеб, и не снижать при этом сельскохозяйственное производство можно было только усилением мер принуждения и насилия. Середняк являлся наиболее исправным плательщиком разверсток, у многих сыновья ушли в Красную Армию добровольцами. Он нес на себе основной груз разверсток. Недовольство властью выражала также значительная часть крестьянской бедноты.

Летом-осенью 1920 г. Сибирь запылала крестьянскими восстаниями. В их числе: *роговицина* в Алтайской губернии, *лубковщина* и Вьюнско-Кольванское восстание в Томской губернии, Зелеевское и Сержское крестьянские восстания в Енисейской губернии, Голопуповское в Енисейской губернии, Голуметское, Евсеевское в Иркутской губернии и др.

В 1920 г. в Сибири проявился особенный феномен повстанческого движения, нехарактерный для европейской России: народное движение против коммунистической власти объединило интересы крестьянства и казачества Сибири. В Сибири не было той остроты земельной проблемы, как в европейской России. Бескрайние сибирские просторы (включая земли, отошедшие к современному Казахстану) позволяли наделить землей и удовлетворить насущные интересы всего аграрного населения Сибири. В результате народного восстания в Сибири (Алтайская и Семипалатинская губернии) была создана Народная повстанческая армия (Крестьянско-казачья армия). Одним из отрядов командовал казак Дмитрий Шишкин, впоследствии ставший руководителем всей крестьянско-казачьей армии Степного Алтая – незажиточный уроженец станции Лебяжьей Сибирского казачьего войска, участник Первой мировой войны, командир казачьей сотни на германском фронте, подъясаул, кавалер двух боевых орденов. До Первой мировой войны Д. Я. Шишкин

служил топографом Омского военного округа, в 1909 и 1911 гг. проводил рекогносцировку пограничной полосы с Китаем в районе Алтая, поэтому прекрасно знал данную территорию.

Народная армия была разбита советскими войсками на Алтае и отступила на запад к Иртышу. Крестьяне надеялись на поддержку восставших сибирских казаков. В начале июля 1920 г. начались волнения крестьян и казаков в Семипалатинской губернии. Преимущественно крестьянская по своему составу Народная армия под командованием Д. Шишкина вышла к Иртышу и 21-22 июля 1920 г. вошла в станицы Кривинскую, Подпускную и Лебяжью (родную станицу Шишкина). Казаки указанных станиц добровольно присоединились к шишкинцам практически поголовно.

22 июля повстанцы в районе Лебяжьей захватили пароход «Витязь», шедший по Иртышу из Семипалатинска в Павлодар. Шишкин разместил на нем свой штаб. Именно на Иртыше отряды Шишкина превратились в «Крестьянскую и казачью повстанческую армию». К 28 июля 1920 г. в ее составе было 6 вновь сформированных казачьих сотен. Общая численность повстанческой армии составляла в это время около 5 тыс. человек, в том числе до 3 тыс. казаков, остальные – крестьяне, а также добровольно присоединившиеся к повстанцам киргизы (казахи) [1, д. 940, л. 51, 54].

Слова воззвания штаба Крестьянско-казачьей повстанческой армии от 5 августа 1920 г. были созвучны настроениям аграрного народа: «За советскую власть против коммуны, против грабительской власти насильников – вот за что восстали мы, крестьяне и казаки Семипалатинской области. Довольно крови и насилия, довольно тюрем и расстрелов. За мир, за порядок, за справедливость поднялись мы и с оружием в руках решили или умереть, или сбросить ненавистную... коммуну. Кто за то, чтобы русский народ сам правил свою власть, чтобы власть эта была действительно в народных руках, чтобы нашей жизнью и достоянием распоряжались... свои, русские люди, выборные от народа – тот иди в наши ряды. С оружием в руках против коммуны за народную советскую власть» [3, с. 239-240].

Советские части особого назначения под командованием Н. И. Корицкого, направленные советским командованием Сибири на ликвидацию восстания, захватили «Витязь» вместе со штабом повстанцев. Командир отряда особого назначения Корицкий о ходе боевых действий против повстанцев докладывал лично помощнику главкома вооруженных сил Советской Республики по Сибири В. И. Шорину. В информации сообщалось: псевдоним Шишкина – Казаков – «черный, толстый, невысокого роста, с острой бородкой, средних лет». В захваченном штабе повстанцев находилось красное знамя с изображением трех пик с надписью: «Долой коммуну, долой всякое насилие. Да здравствует власть советов всех трудящихся» [2, д. 5, л. 40, 44, 45].

Шишкин с ядром своей армии сумел пробиться из окружения и вернуться в крестьянский Марзагульско-Волчихинский район Алтая, откуда начиналось восстание. К 3 августа 1920 г. у него осталось не более 600 человек, в том числе до 200 сибирских казаков. Повстанцев непрерывно преследовали части двух красных дивизий – 13-й кавалерийской и 26-й стрелковой. 9 августа отступающие повстанцы с боем заняли Змеиногорск.

9 августа 1920 г. штаб повстанцев обратился к гражданам Змеиногорского уезда с воззванием: «Невыносимый гнет коммунистической власти заставил нас взяться за оружие. Мы встали за то, чтобы освободить от насилия и крови, чтобы дать нашей несчастной России мир, порядок и выборную для народа власть. Все, кто понимает, к какой гибели, к какой нищете и голоду и бесправию ведет русский народ нерусская коммунистическая власть, должны идти с нами, мы хотим только порядка, справедливости и русской народной власти. Чтобы каждый знал свое, знал, что его дом, его добро, его труд принадлежит только ему одному, чтобы каждый мог и имел право заниматься тем, к чему он годен и что он хочет, лишь бы это не было во вред народу. Когда будет сброшена коммуна, выборные от народа соберутся и сами определят, какой порядок, какая власть должна быть в России. Мы боремся только против коммуны, за народные права, завоеванные революцией. Мы хотим права и настоящей гражданской свободы слова, собраний и выборов. Русские люди, давайте же кончим разрушать Россию и начнем строить, давайте заживем настоящей гражданской свободной жизнью без плоти и крови. У нас, взявшихся за дело свержения коммуны, нет оружия, но с нами весь народ, а где народ, там и победа. Идите же, граждане, к нам, освобождайте себя, спасайте Россию» [3, с. 246].

В Змеиногорске приказом Шишкина по Крестьянско-казачьей повстанческой армии от 9 августа 1920 г. объявлялась мобилизация всего мужского населения Змеиногорского уезда от 20 до 45-летнего возраста. Первая категория – от 20 до 35 лет – определялась в строевые части, вторая категория – от 35 до 45 лет – в части местной самообороны. Первой категории мобилизованных предписывалось, организовавшись на местах в воинские единицы – роты и эскадроны, явиться на своих конях и подводах со своим оружием в штаб армии. Вторая категория должна была оставаться на местах для несения гарнизонной службы, организовавшись в роты. В каждом селении требовалось избрать начальника гарнизона, командира охраны и военный комитет из трех лиц. На последний возлагалось решение вопросов мобилизации, реквизиций. Начальник гарнизона являлся председателем военного комитета [Там же, с. 245-246]. Данный приказ повстанцы осуществить не смогли. Под натиском преследующих советских частей они покинули Змеиногорск, пробиваясь в направлении Горного Алтая. Выйдя на Бийскую линию Сибирского войска, повстанцы заняли станицу Верх-Алейскую. Отряд шишкинцев пополнился казаками: в середине августа 1920 г. силы повстанцев состояли из 4-х эскадронов кавалерии, 2-х сотен казаков и 4-х рот пехоты общей численностью до 700 человек при 2-х пулеметах [Там же, с. 247]. Дальнейшее отступление проходило по казачьей линии на северо-восток, через селения поселка Ключевский, Белорецкий, Андреевский, Тигирецкий, Яровский. Станицу Верх-Алейскую и поселок Ключевский Шишкин сдавал с боем. Он обошел заслоны красных частей в поселке Тулатинском и станице Чарышской. Вынужденно оставив Бийскую линию, Шишкин ушел в Горный Алтай, затем через горы – в Монголию, Китай. Примечателен факт, подтверждающий народный

характер казачье-крестьянского отряда Шишкина: в Китае повстанцы отказались присоединиться к лагерю интернированных белых войск Оренбургской армии. Они сохранили выборный командный состав, не носили погон. Поход Крестьянской и казачьей армии Шишкина с непрерывными боями по территории Сибири, затем передвижение по Монголии и Китаю составили в общей сложности более 2 тыс. км за три месяца.

Содержательной основой крестьянского движения выступал социальный и политический протест, выраженный в стихийных массовых формах. Полоса крестьянских восстаний в Сибири в 1920 г. выявила глубокий кризис политики военного коммунизма в условиях ее апогея, вынудила государственную власть к переходу к новой экономической политике.

Список литературы

1. **Российский государственный военный архив** (РГВА). Ф. 1317. Оп. 2.
2. **РГВА**. Ф. 16750. Оп. 1.
3. **Сибирская Вандея: 1920-1921**: документы: в 2-х т. / сост. В. И. Шишкин. М., 2000. Т. 1.

PROTEST MOVEMENT OF SIBERIAN PEASANTRY IN 1920

Petr Fedorovich Aleshkin, Ph. D. in History
All-Russian youth journal "Our Youth", Moscow
aleshkin@list.ru

The author studies the little-known facts about peasants' protest movement within Siberia in 1920 under the conditions of war communism policy apogee and reveals the reasons of mass peasants' protest, its peculiarities within Siberia and the results on the basis of archival documents.

Key words and phrases: peasantry; authorities; protest movement; uprising; war communism policy.

УДК 93(47)+314

В статье раскрываются этносоциальные и этнодемографические процессы среди славян – русских, украинцев, белорусов, поляков, оказавшихся в конце XIX – середине XX в. за пределами основных мест обитания, на территории юга Средней Сибири. Автор уделяет основное внимание местам выхода переселенцев, их численности, географическим ареалам расселения, выявлению социокультурных и хозяйственных особенностей их жизни и быта.

Ключевые слова и фразы: переселение; этнические группы; дисперсное и компактное расселение; этнодемографическое и этносоциальное развитие.

Наталья Анатольевна Баранцева, к.и.н., доцент
Кафедра всеобщей истории
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Barantzeva@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.®

Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (госконтракт № 02.740.11.0585).

Появление славянских народов на территории юга Средней Сибири (Енисейская губерния) было связано с военной и земледельческой колонизацией региона, а также политической и уголовной ссылкой. В XIX в. произошло усиление крестьянского переселения в восточные районы страны, которое А. В. Ремнев связывал с проведением имперской политики, нацеленной на превращение Сибири в Россию. Для этого провозглашалась необходимость укрепления славянского компонента среди коренного населения [18]. Л. М. Дамешек отмечал, что особую роль в этом правительство отводило православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был «духовно сплотить империю, научить сибирского “инородца” не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски» [11, с. 44].

В пореформенный период, когда стало возможным переселение для бывших крепостных крестьян, миграционные процессы из европейской части России в Зауралье и Сибирь усилились. Этому способствовали аграрный кризис, сопровождавшийся экологическими проблемами в связи с истощением земельных угодий, возросшая плотность населения, формирование обширного контингента безземельных и малоземельных крестьян, а также строительство Транссибирской магистрали.